

О науке и ненауке

Научная работа — это рост растения: сперва она ближе к почве (к материалу, к источникам), затем она поднимается до обобщений. Так с каждой работой в отдельности и так с общим путем ученого: до широких («широколиственных») обобщений он имеет право подниматься только в зрелые и пожилые годы.

Мы не должны забывать, что за широкой листвой скрывается прочный ствол источников, работы над источниками.

Прогресс часто состоит в дифференциации и спецификации внутри какого-то явления (живого организма, культуры, экономической системы и пр.). Чем выше на ступенях прогресса стоит организм или система, тем выше и объединяющее их начало. В высших организмах объединяющим началом является нервная система. То же самое и в культурных организмах — объединяющим началом являются высшие формы культуры. Объединяющее начало русской культуры — это Пушкин, Лермонтов, Державин, Достоевский, Толстой, Глинка, Мусоргский и т.д. Но захватываются не только люди, гении, но и гениальные произведения (особенно важно это для древнерусской культуры). Вопрос состоит в том, каким образом высшие формы могут возникнуть из низших. Ведь чем выше явление, тем меньше в нем элементов случайности. Система из бессистемности? Уровни законов: физический, выше физического — биологический, еще выше — социологический, самый высокий — культурный. Основа всего в первых ступенях, объединяющая сила — в культурном уровне.

Составитель известного словаря английского языка доктор Самюэль Джонсон утверждал: «Знание бывает двух видов. Мы либо знаем предмет сами, либо знаем, где можно найти о нем сведения». Это изречение имело в английском высшем образовании огромную роль, ибо было признано, что в жизни самое необходимое знание (при наличии хороших библиотек) — второе. Поэтому экзаменационные испытания в Англии проводятся часто в библиотеках с открытым, доступом к книгам. Проверяется в письменном виде: 1) насколько хорошо учащийся умеет пользоваться литературой, справочниками, словарями; 2) насколько логично он рассуждает, доказывая свою мысль; 3) насколько хорошо он умеет излагать мысль письменно.

Все англичане умеют хорошо писать письма.

В дореволюционные времена семинаристов считали грубыми и неотесанными. Между тем в семинариях преподавали помимо элементарных предметов логику и психологию, русскую словесность, гражданскую историю (помимо церковной) — русскую и всеобщую, алгебру, геометрию, топографию, физику, естественную историю, сельское хозяйство (на случай если священствовать придется в сельской местности), народную медицину, а из языков — обязательные: греческий, латинский, церковнославянский, а для желающих — древнееврейский, французский и немецкий. В Херсонесе изучали новогреческий и крымско-татарский. В Петербургской семинарии — финский и латышский, в Вологодской — зырянский.

«Хороший тон» в науке. В моей юности (когда я учился в университете) ученые щеголяли знаниями, а «идеи» оставались на втором плане. Сейчас в науке развилось стремление выдвигать идеи — самые невероятные и в большом количестве. Это выражено в книге Эдварда Боно «Рождение новой идеи»: «Возможно... имеет больший смысл располагать значительным числом идей, не боясь, что часть из них окажется ошибочной, нежели всегда быть правым, не имея вообще никаких новых идей» (Боно Э. Рождение новой идеи. М., 1976, с. 84.).

Как часто бывает — истина посередине, но не просто посередине, а с заимствованием преимуществ той и другой стороны: обоснованность от первой и инициативность от второй.

В филологической науке наиболее долговечны факты, а не идеи. Издания памятников, текстологическая работа, выясняющая историю текста тех или иных произведений, — это бесспорно необходимая на столетия работа, но она никак не может быть признана «лишенной новых идей». Обнаружить авторский текст, определить взаимоотношение редакций, видов списков текстов — это все «идеи». Достаточно вспомнить споры вокруг евфросиновского списка «Задонщины», чтобы понять, что развиваемые здесь идеи имеют колоссальное значение не только для изучения самой «Задонщины», но и для выяснения подлинности «Слова о полку Игореве». А идеи, связанные с определением отношения русской культуры XVI века к западному Ренессансу, если они не основываются на вновь выявленных фактах, документах, произведениях, — устаревают через несколько лет и по большей части не годятся даже для создания новых концепций, новых «комбинаций» фактического материала, ибо материал в такого рода работах обычно получен из вторых рук.

В науке вторичность губительна. Концептуальные же работы по большей части именно вторичны, основаны на материалах, добытых предшественниками. Такого рода метод создания работ «с идеями» я называю «методом добывания творога путем выковыривания его из ватрушек».

В стремлении проявить ученость и проницательность ученые-искусствоведы и палеографы часто преувеличивают и перенапрягают свои возможности точных атрибуций и датировок. Это выражается, например, в «точном» определении района, из которого происходит икона, не учитывающем то обстоятельство, что иконописцы постоянно переезжали из одного места в другое. Выражается это и в «точном» определении времени, к которому относится тот или иной почерк. «Первая четверть такого-то века» или «последняя четверть такого-то века». Как будто бы писец не мог работать 50 лет и более, не приравнивая свой почерк к тому или иному вступившему в моду почерку. Или как будто писец не мог учиться у старика, да еще где-либо в захолустье.

Однако точность «определений», иногда с точностью до десятилетия, придает «вес» ученому в глазах окружающих.

Мне вспоминается, как мой школьный товарищ Сережа Эйнерлиг (правнук известного издателя «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина) показал мне в самом начале 20-х годов выменянные им документы Соляной конторы XVIII века. В эти документы завертывались селедки на рынке. Они были получены им из «списанных» залежей петроградских архивов. Торговцы охотно меняли эти документы на обычную газетную бумагу — фунт на фунт. Наменял этих документов и я (тем более что жили мы на казенной квартире Первой государственной типографии — теперь Печатный Двор, и всякой бумаги для обменов у нас было много).

Меня очень интересовала красота почерков: у каждого писца — свой почерк. Были почерки суховатые, свойственные XVIII веку, а были и очень размашистые — точь-в-точь XVII век. Документы в большинстве случаев имели даты. Когда я занимался в университете палеографией у академика Е.Ф. Карского, я принес ему часть документов, и он объяснил мне наличие архаичных почерков на датированных документах середины XVIII века: документы были из городов Русского Севера. Туда «культура» доходила медленно, учителями писцов могли быть старики. А не будь дат у документов?

Современные «эрудированные» палеографы непременно определили бы их «концом XVII века» или чем-то вроде этого. Разве что догадались бы проверить водяные знаки...

А разве с иконами не могло быть того же самого?

Сам я пишу уже лет семьдесят. За это время мой почерк менялся: стал менее разборчивым — сказывается возраст, но отнюдь не эпоха. Хотя и в новое время почерки меняются по времени.

Академик А.С. Орлов сохранял некоторые старые начертания букв, типичные для XIX века: буква «т», например.

Все виды искусства, а тем более в пределах искусства литература, играют все большую роль в познании мира (в тех случаях, конечно, когда литературное произведение действительно принадлежит к высоким формам искусства). Не случайно физик Эйнштейн находил для себя нечто, стимулирующее мысль, в произведениях Достоевского, а филолог Р. Якобсон — в произведениях Матисса и Пикассо.

Искусство можно рассматривать как один из видов познания действительности.

Попробуем определить своеобразие этого познания действительности через искусство.

Познание мира может быть двояким: «успокоенным», чисто созерцательным, констатирующим, утверждающим, как бы неподвижным, — но познание мира может быть и «движущимся», как бы следящим за движением познаваемого, развивающимся, не созерцающим, а следящим, т.е. идущим в след.

Первое познание мира дает наука, второе познание — искусство. Искусство не передает мир как бы в отпечатке его, а как бы ставит эксперимент, создает ситуации. Это познание творит мир, иногда свой, особенный, а иногда просто односторонний.

Научное познание не ставит себе целью уловить мир в его потенциях, в его движущейся глубине. Познание через искусство в той или иной мере нестабильно, ибо в нем огромную роль играет познающий, само его «бегущее восприятие». Впрочем, элемент искусства есть и в науке, поскольку познание невозможно без познающего. Различие в том — какое из познаний к чему стремится. Научное познание стремится освободиться от познающего, от исследователя, сделать себя «объективным». Познание же, которое дает искусство, напротив, стремится как можно больше вовлечь познающего в свой акт познания. В искусстве познающий (слушатель, зритель, читатель) творит вместе с автором или помимо автора, но по его *подсказке*. В особенно высоких произведениях искусства бывает несколько его осмыслений. Так, по-разному можно осмыслять персонаж литературного произведения (особенно у Достоевского), поэзию Пастернака или музыку Баха. И от этого «познание мира» лишь приобретает большую ценность. В науке же требуется одно восприятие, одно осмысление, одно выражение осмысляемого (выражение в виде математической формулы или той или иной концепции).

Все рассуждения об эмоциональности искусства не полны. Эмоции в искусстве лишь одна из сторон извлечения активности из познаваемого.

В создании различных искусствоведческих псевдотеорий и обобщений огромную роль играет суетность исследователей: стремление «сказать свое слово», дать свое определение, название, скрыв, однако, свою зависимость от предшественников или «неприятных» им современников. Иногда искусствоведы (и литературоведы тоже) не ссылаются на своих современников, чтобы отделиться от них по соображениям группового характера или из простой человеческой неприязни.

В недавно вышедшей книге лучшего нашего знатока древнерусского искусства — Г.К. Вагнера — «Канон и стиль в древнерусском искусстве»¹ {Вагнер Г.К. Канон и стиль в древнерусском искусстве., М., 1987.} есть глава «Постановка проблемы», где с замечательной объективностью и нейтральностью анализируются взгляды на стили в древнерусском искусстве различных ученых начиная с XIX века. В ней ничего не говорится о личных взаимоотношениях между искусствоведами, но, зная эти взаимоотношения, следует пожалеть — как много проигрывает теория от внетеоретических эмоций и эгоизма исследователей, стремящихся к «самоутверждению» или к умалению значения своих современников.

Кстати, существует несколько упрощенных способов создания «новых» подходов и методов в гуманитарных науках. Один из них, самый распространенный, — это объявить необходимость комплексности. Отсюда в педагогике родился в 20-е годы нелепый комплексный метод в преподавании. Комплексные подходы время от времени появлялись в искусствоведении, в литературоведении, в различных вспомогательных дисциплинах.

Что скажешь против необходимости «комплексности»? А впечатление — новой игрушки в руках у ученых.

Вторичность в науке. Вторичность — явление, захлестывающее разные стороны культуры. Наука, и в частности литературоведение, также подвержены этому явлению. Ученые часто создают новые гипотезы не на основании «сырого» материала, а видоизменяя старые, уже бывшие в употреблении гипотезы и теории, со всеми приводимыми в них фактами. Это еще *лучшая* форма вторичности. Хуже, когда ученый пытается поставить себя выше науки и начинает, как милиционер, регулировать движение: этот прав, тот не прав, такому-то следует подправиться, а этому не заходить слишком далеко. Раздает похвалы и шлепки, кого-то милостиво поощряет и пр. Такая вторичность особенно плоха тем, что создает ученому ложный (к счастью, недолговечный) авторитет. Всякий, кто берет в руки палку, начинает внушать невольный страх — как бы от него не попало.

Ко вторичности в науке приближается по чисто внешнему сходству историографический подход. Но историография, если она настоящая, — это не вторичная наука. Историограф науки изучает тоже сырой материал и может прийти к интересным выводам. Впрочем, и историографии в широкой мере грозит вторичность.

Вторичность — вроде соединительной ткани. Она грозит разрастанием и вытеснением живых, «работающих» клеток.

Блаженный Августин: «Я знаю, что это такое, только до той поры, пока меня не спросят — что же это такое!»

Ученый не обязательно должен всегда отвечать на вопросы, но он безусловно должен их *правильно* ставить. Иногда заслуга правильной постановки вопросов может оказаться даже более важной, чем нечеткий ответ.

Самое важное в познании — понять явление как целое: понять историю человечества, народа, историю литературы или искусства как целое. Для градостроителей важно понять город как целое. Для каждого человека следует постараться осмыслить свою жизнь как целое.

Человек не обладает истиной, но неутомимо ее ищет.

Истина отнюдь не упрощает мир, а усложняет его, заинтересовывает в дальнейших поисках истины. Истина не завершает, она открывает пути.

Яркое научное воображение позволяет ученому в первую очередь не столько предлагать решения, сколько выдвигать все новые и новые проблемы.

Наука растет не только накоплениями утверждений, но и накоплением их опровержений.

В.И. Вернадский, известный всему миру своими научными обобщениями, писал:

«Настоящей научной работой кажется опыт, анализ, измерение, новый факт, — а не обобщение»¹ {Вернадский В.И. Страницы автобиографии. М., 1981, с. 286.}. Правда, рядом он зачеркивает эту мысль, отрицает ее всеобщность, но все-таки...

В письмах из Америки и Канады В.И. Вернадский поражается «роскошью университетского образования», «широтой возможностей научной работы» и малыми результатами. 6 августа 1913 года он пишет из Торонто: «Крупных талантливых личностей мало. Берется все организацией, средствами; многочисленностью работников. То, что нам показывал вчера Николь, — детский лепет, о котором странно рассуждать серьезно...». Николь — канадский ученый, профессор Кингстонского университета. Похоже, что мы вступили в тот же период развития науки, всегда берем многочисленностью, а не талантом больших в науке личностей.

В 20-е годы академик Стеклов не хотел давать вакансии академика для С.Ф. Платонова и сказал между прочим: «Науки делятся на естественные и противоестественные». С.Ф. Платонов нашелся и ответил: «Науки делятся на общественные и антиобщественные». Гете принадлежит высказывание: «Призрак не видят вдвоем». Эта мысль может быть распространена и на одновременность создания какой-либо сложной теории двумя

людьми. Однако бывают случаи, когда какое-либо открытие как бы назревает, состояние науки «позволяет» его сделать.

Одновременность открытий в науке и в технике (а может быть, и стилистических и идейных решений в искусстве).

В 1825 году Янош Болаи получил письмо от своего отца, предупреждавшего своего сына о необходимости скорее опубликовать свою геометрическую теорию, ибо «надо признать, что некоторые вещи имеют, так сказать, свою эпоху, в коей их в разных местах находят одновременно». В самом деле, в феврале 1826 года Н.И. Лобачевский представил доклад, в котором содержалась аналогичная теория, с новым решением проблемы V постулата Эвклида о параллельных прямых.

Историки науки должны заняться специальным изучением одновременности некоторых открытий разными людьми (Попов и Маркони и пр.). В общем плане истории культуры это крайне важно.

А по поводу Лобачевского я бы прибавил еще следующее. Часто открытия делаются играя, в качестве шуточного, веселого предположения. Как кажется, Лобачевский первоначально не придавал особенно серьезного значения своему открытию. В искусстве (особенно в живописи) многое шло от эпатаживания, озорства, шутки. Когда я спросил Б.В. Томашевского, правильно ли описал историю литературоведческого формализма Виктор Эрлих в своей книге на этот сюжет, Б.В. Томашевский ответил мне: «Он не заметил, что мы вначале просто хулиганили».

В науке знакомое должно идти перед незнакомым.

Мне неоднократно в своих выступлениях приходилось писать и говорить, что доступ к архивным материалам должен быть более открытым, свободным. Научная работа (особенно текстологическая) требует использования по той или иной теме всех рукописных источников (об этом я пишу и в двух изданиях своей книги «Текстология»). У нас же все чаще в архивохранилищах решают — эту рукопись выдать, а эту — не выдавать, и решение это зачастую произвольно. Особенно надо приучать пользоваться первоисточниками научную молодежь — а она-то все чаще оказывается стеснена в читальных залах рукописных отделов.

Рукописные книги и рукописи надо выдавать почаще — от этого зависит, кстати сказать, и их сохранность. Исследователь контролирует состояние рукописей, контролирует архивиста, проверяя, так ли он «опознал» рукопись. Я мог бы привести десятки примеров, когда рукописи считались «пропавшими» в результате того, что они подолгу не попадали в руки исследователю и не отождествлялись.

Доступность источника — и рукописного документа, и книги, и редких журналов или старых газет — кардинальная проблема, от которой зависит развитие гуманитарной науки. Преграждение доступа к источникам ведет к застою, принуждая исследователя топтаться на площадке одних и тех же фактов, повторять банальности, и в конце концов отделяет его от науки.

Не должно быть никаких закрытых фондов — ни архивных, ни библиотечных. Как достичь такого положения — этот вопрос должен быть обсужден широкой научной общественностью, а не решаться в ведомственных кабинетах. Свобода доступа к животворным культурным ценностям — наше общее право, право всех и каждого, и обязанность библиотек и архивов — обеспечить осуществление этого права на деле. Прослыть эрудитом проще всего, зная немного, но именно то, чего не знают другие. Если бы мне пришлось издавать журнал (литературоведческий или культурологический), я бы сделал в нем три главных раздела: 1) статьи (обязательно краткие, сжатые — без фразеологических штампов и излишеств; в целом — не больше полулиста); 2) рецензии (отдел открывался бы общим обзором книг, вышедших за определенный промежуток времени: можно за год по темам, и состоял бы в основном в подробных разборах книг); 3) заметки и поправки (типа тех, что дает И.Г. Ямпольский в «Вопросах литературы»); это

внесло бы дисциплину и чувство ответственности в авторский труд, подтянуло бы авторов.

Д.А. Гольдгаммер. Самовнушение при научных исследованиях \fn{Гольдгаммер Д.А. Самовнушение при научных исследованиях. — «Научное слово», 1905, кн. X, с. 5—22.}. Очень интересная статья. На многих примерах она показывает давно известный факт: как результаты наблюдений и экспериментов подгоняются под выводы. Но важно в ней и ново то, что эта «подгонка» совершается часто бессознательно. Исследователь так убежден в заранее составленных им выводах, что во всем видит их подтверждение и действительно не видит ничего, что им противоречит.

Хотя автор ограничивается «точными» науками, но в еще большей мере это касается ведь и гуманитарных дисциплин. В литературоведческой текстологии — это сплошь да рядом. Достаточно посмотреть работы по текстологии «Задонщины»: вариант хуже — значит, он вторичный, вариант лучше — значит, исправили предшествующее чтение, которое было хуже. Уже совсем не уследишь за «самовнушением» в более широких обобщениях, когда необходимо охарактеризовать особенности творчества того или иного автора.

Но самовнушение распространяется не только на творцов, но и на читателей, на зрителей, слушателей. И тут оно играет иногда положительную роль. Репутация автора или художника заставляет внимательнее относиться к их творчеству: читать, смотреть, слушать. А читатель, зритель и слушатель должны быть «искательны», внимательны, вдумчивы, особенно если это касается «трудных» творцов: Пастернака, Мандельштама, постимпрессионистов, сложных композиторов.

Иногда читателю, зрителю, слушателю кажется в результате самовнушения, что он понимает. Ну и пусть кажется! В конце концов поймет или отбросит. Но без периода пытливых поисков всем трем не обойтись. Если все трое хотят совершенствовать свое познание искусства.

Увеличение знаний о явлении ведет иногда к уменьшению его понимания.

В литературоведении вместо исследований все больше развиваются «наднаучные» работы: «ученый» больше всего толкует о том — кто прав, кто нет, кто на правильном пути, а кто скопил с него и пр.

В инквизиции была должность «квалификатора». Квалификатор определял — что есть ересь и что ересью не является. В науке квалификаторы ужасны. Их много в литературоведении.

Ларошфуко: «Человек всегда имеет в себе достаточно мужества, чтобы перенести несчастья других». Добавим: а ученый — неудачи чужого эксперимента или его фактическую ошибку.

Б.А. Романов сказал про одного историка, увеличивавшего список своих работ обилием рецензий: «Он расплевывает свои рецензии направо и налево».

Там, где нет аргументов, там есть мнения.

В одной из своих рецензий Б.А. Ларин написал: «Самой сильной частью книги приходится признать ее оглавление — попытку систематизации вопросов, — разработка же их (т.е. вся книга. — Д.Л.) поверхностна и примитивна». Убийственно точно.

В начале 30-х годов, в пору «перестройки» Академии наук кто-то (не назову фамилии) читал доклад о Пушкине в Большом конференц-зале главного здания Академии наук. По окончании доклада, когда все расходились, в толпе у дверей Е.В. Тарле воздел руки кверху и произнес «Я, конечно, понимаю, что это Академия наук, но в зале все же были люди с высшим образованием». Вчера читался доклад по советской литературе в Отделении литературы и языка. Я не выдержал и ушел, а знакомым сказал: «Мы-то ко всему привыкли, но стыдно было стенографисток».

Ньютон открыл закон земного тяготения, но он не строил гипотез — что это такое, чем объясняется и т.п. Ньютон об этом декларативно заявил: он сказал, что не строит гипотез

о том, чего не знает. И этим он не затормозил развития науки (со слов академика В.И. Смирнова 15.IV.1971 г.).

Прогресс — это в значительной мере дифференциация и специализация внутри некоторого «организма». Прогресс в науке — это тоже дифференциация, специализация, усложнение изучаемых вопросов, появление все новых и новых проблем.

Количество поднимающихся в науке вопросов значительно обгоняет количество ответов. Следовательно, наука, позволяющая пользоваться силами природы (в широком смысле), одновременно увеличивает количество тайн бытия.

Одно из самых больших удовольствий для автора — выход его книги или статьи. Но... удовольствие это падает с выходом каждой следующей книги: вторая книга — уже половина восторга от первой, третья — треть, четвертая — четверть и т.д. Чтобы сохранить это удовольствие, надо, чтобы труды были новыми, не повторялись — были как бы каждый раз «первыми». Книга должна быть «неожиданностью» — и для читателя, и для самого автора.

Недостаточно быть рыбой, чтобы стать хорошим ихтиологом: это выражение можно применить к одной старой фольклористке из деревни, считавшей себя высшим авторитетом в делах народного творчества.

Раздраженный пустыми социологизированиями одного литературоведа, В.А. Десницкий сказал: «Из этого Пушкину штанов не сошьешь».

Резерфорд сказал: «Научная истина проходит три стадии своего признания: сперва говорят — „это абсурд“, потом — „в этом что-то есть“ и наконец — „это давно известно!“». Вся соль здесь в том, что каждое из этих суждений Резерфорд называет «признанием»!

«Инверсионная система» в науке: доказательная система строится для той или иной концепции. Соответственно подбираются документы и т.д.

С.Б. Веселовский писал: «Никакое глубокомыслие и никакое остроумие не могут возместить незнания фактов» \fn{Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. 1963, с. 11.}.

В.А. Десницкий (бывший семинарист) называл сотрудников Пушкинского Дома, обладающих учеными степенями, «рясофорными».

Барабанный бой эрудиции: имена, названия, цитаты, библиографические сноски — нужные и ненужные.

Выражение Изоргиной: «заботливые эрудиты».

Анатоль Франс: «Наука непогрешима, но ученые часто ошибаются».

Из «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина. Один из параграфов Устава «О нестеснении градоначальников законами» гласит: «Ежели чувствуешь, что закон полагает тебе препятствие, то, сняв оный со стола, положи под себя». Напрасно думают, что это не относится к науке.

«Где, хотел бы я знать, тот тяжеловес, который в состоянии вбить в семь-восемь страничек... историю и теорию, обзоры и методы» (из статьи Марлена Кораллова).

«Избирательное мышление» — бедствие в науке. Ученый, согласно этому избирательному мышлению, выбирает для себя только то, что подходит для его концепции.

Ученый не должен становиться пленником своих концепций.

Суеверия порождаются неполным знанием, полуобразованностью. Полуобразованные люди наиболее опасны для науки: они «все знают».

Об уме

Можно ли захотеть и быть умным? Можно. Надо только понять, что такое ум. В какой-то мере, конечно. Потому что до конца понять, что такое ум, нельзя.

Начну с простейшего примера. Мы говорим: «умная собака», «умная кошка», даже «умная корова». Но переселите этот «ум» в человека, и человек окажется больше, чем идиотом, каким-то «полусуществом».

Мы можем обозначить как «умного» токаря, вагоновожатого, лаборанта, истопника — я не знаю, кого еще перечислить из «среднего персонала». Но сделайте кого-нибудь, закрыв глаза, министром, и в подавляющем большинстве случаев окажется, что министр будет глупым, тупым, «узколобым». Хотя, конечно, могут оказаться и счастливые случаи... Отсюда ясно: ум соотносителен с положением, которое человек занимает. И отсюда следует: если хотите быть умным — не стремитесь захватить должность, на которой окажетесь глупым.

«Познайте самого себя» и действуйте в жизни сообразно.

И второе наблюдение, не менее важное. Ум — это прежде всего поведение. Умный человек — это тот, кто ведет себя правильно в собственной семье, с товарищами, на работе и т.д. Ум — это тактичность, умение отделить мелкое от важного, предусмотреть будущее... Можно быть умным ученым, а можно быть талантливым ученым. Это разные типы ученых. Умный ученый определяется по поведению в науке, по тому, что он знает истинную цену своим открытиям, своей методике, своему положению в науке.

Талантливый ученый создает интересные гипотезы, делает важные открытия (часть из которых может оказаться, впрочем, ложными). Талантливым ученым восхищаются, умного уважают... Талантливым сделаться очень трудно — им надо родиться. Умным стать вполне можно.

А.С. Пушкин в «Наброске статьи о русской литературе»: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости».

Сорные идеи растут особенно быстро.

«Престижные публикации» ученых: 1) для увеличения числа работ (списка работ); 2) для участия в том или ином сборнике, где появление имени ученого само по себе почетно; 3) для участия в каком-либо большом научном споре («присоединение к спору» — «и я имею в этом свое мнение»); 4) для того чтобы войти в историографию вопроса (особенно часты статьи этого рода в спорах о датировке документа); 5) для того чтобы напомнить о себе в каком-либо солидном журнале; 6) для того чтобы выказать свою эрудицию. И т.д. Все эти публикации засоряют науку.

Искусственное раздувание объемов статей: 1) путем подробного и ненужного в ряде случаев изложения историографии вопроса; 2) путем искусственного увеличения библиографических сносок, включения в сноски работ, имеющих малое отношение к изучаемой проблеме; 3) путем подробного изложения пути, которым автор дошел до того или иного вывода. И т.д.

Шаблон в темах научных статей: 1) статья ставит себе целью показать ограниченность той или иной концепции; 2) дополнить аргументацию по тому или иному вопросу; 3) внести историографическую поправку; 4) пересмотреть дату создания того или иного произведения, поддержав уже высказанную точку зрения, особенно если она принадлежит влиятельному ученому. И пр.

Все это часто простая наукообразность, но которую трудно выявить.

Известность и репутация ученого — совершенно различные явления.

Десять самооправданий плагиатора.

Как оправдывается плагиат в научных работах. Во-первых, отмечу, что на плагиат решается прежде всего начальник, а не подчиненный или уж равный у равного. А оправдания следующие: 1) он (жертва) работает по моим идеям; 2) мы с ним (жертвой) работали вместе (вместе — часто означает разговор, подсказку и пр.); 3) я его (жертвы) руководитель; 4) весь институт или вся лаборатория работает, утверждает плагиатор, по «моим» идеям, по «моей» методике и пр. (а к чему, вообще говоря, сводится роль научного руководителя учреждения — на то он и руководитель); 5) заимствование — общее место в науке, всем известное положение, банальность, не стоящая какой-либо сноски, отсылки и пр. Кто же этого положения не знает? 6) я на него и сослался (а сослался на второстепенное положение или в очень общей форме, не дающей читателю

понять — что же взято у жертвы); 7) а он сам списал это положение у такого-то (в расчете, что проверять не станут, — особенно если ссылка сделана без точного указания источника); 8) а у меня другое (перефразировка, создание нового термина для того же понятия); 9) а у меня совсем другой материал (если материала много, положение оправдывается другими примерами, этот способ действует особенно легко); 10) положить идею молодого ученого в основу коллективного труда, возглавляемого «заслуженными именами». Вообще — бороться с индивидуальными трудами и стремиться создавать труды коллективные.

Способов обойти совесть бесконечно много. Но результат один: в науке не появляются новые крупные имена, наука хиреет, появляются «тайные труды» — тайные, чтобы не овладели ими бесталанные «организаторы науки».

Наука часто мстит скептикам. Когда Вольтеру сказали, что высоко в Альпах нашли рыбий костяк, он презрительно спросил, не завтракал ли там постыющийся монах. К. Честертон: «Во времена Вольтера люди не знали — какое следующее чудо удастся им разоблачить. В наши дни мы не знаем, какое следующее чудо нам придется проглотить» (из книги Честертон о Франциске Ассизском *Chesterton G.K. St. Francis of Assisi. N.Y., 1987, ch. 9.*).

Полузнайство в науке ужасно. Считается, что в науке могут хорошо руководить плохие ученые. Они берутся из полужнаек, ставятся в директора и заведующие и обычно направляют науку по узким тропам мелкого техницизма, которые ведут к быстрому и мимолетному успеху (или к полным провалам, когда такие полужнайки стремятся к авантюризму в науке).

Силовые методы возникают из некомпетентности. Красный террор возник не потому, что стала представлять большую опасность контрреволюция, а потому, что не знали, как управлять государством. После смерти Ленина не нашлось ни одного человека в «правительстве», который умел бы профессионально решать экономические и государственные вопросы — найти выход из разрухи. Отсюда — попытка решать все с помощью насилия. Насилие возникает из некомпетентности.

Никогда нельзя полагаться на сведения одного рода, на одну аргументацию. Это хорошо может быть продемонстрировано на следующем «математическом» анекдоте. С математиком посоветовались: как обезопасить себя от появления террориста с бомбой в самолете. Ответ математика: «Возить с собой бомбу в портфеле, так как по теории вероятностей очень мало шансов на то, чтобы в самолете одновременно оказались две бомбы».

Еще один вид суетности в науке: стремиться обладать «изысканными знаниями». Это возможно, и такого рода снобизм продолжает существовать, хотя и реже, чем в предшествующие столетия.

Длинный язык признак короткого ума.

Самое легкодостижимое и одно из главных достоинств научного доклада (доклада как такового) — краткость.

Малый прогресс в большом деле важнее большого прогресса в малом (а может быть, я не прав?).

Ошибка, признанная вовремя, — не ошибка.

В научном коллективе необходимы не директивы и распоряжения, а сотрудничество. И главная задача руководителя — достичь этого сотрудничества.

«Ответственный работник» — этот «термин» обычно понимается в смысле «важный», «высокопоставленный начальник», а надо понимать точно согласно значению самих слов: работник, ответственный за свои поступки, за свои распоряжения и поступки. Он не поднят над своими поступками, а подчинен им, подчинен своим обязанностям, наказуем за всякую неправду, этим работником сделанную. С ответственного работника больший спрос, чем с обычного работника. «Ответственный работник» противопоставлен

обычному, а не «безответственному» работнику, ибо последний вообще не работник. Всякий работник отвечает за свою работу.

Работа и работник составляют некое единство. Это особенно ясно в научном труде: ученый — это его труды, открытия. В этом он в той или иной степени бессмертен.

Хорошая работа не просто сделана хорошим работником, но она сама создает хорошего работника. Работа и работник плотно связаны двухсторонней связью.

Какая утонченная месть, какое злое издевательство: хвалить человека за то, в чем он явно не проявился!

Слышал от физика (кажется, члена французской Академии Абраама): нет ничего практичнее, чем хорошая теория.

Познание в науке идет по двум руслам — более простому и более сложному. *Простой путь познания — сведение сложного к простому, сложный путь — открытие в простом сложного.* Первый путь как бы тяготится познанием и стремится его по возможности закрыть. Второй путь — это скрытое или явное восхищение миром, существующим, открытие в бытии Логоса.

Марксизм, фрейдизм, дарвинизм — это все попытки *сведения сложного к простому*, попытки явно несостоятельные... и вредные. Марксистский метод в изучении литературы превращает литературу в иллюстрацию к марксизму, к учению о классовой борьбе, возводит в главную норму жизни ненависть. Ясно, что марксистский метод в изучении литературы отбивает интерес к литературе, к чтению, «ускудняет» самую жизнь. Во что превращаются под пером и языком марксизма такие сложные персонажи, как Обломов, Базаров, Онегин... и пр. и пр.

Вера в Бога — это дар.

Марксизм — скучная философия (и примитивная).

Атеизм — скучная религия (самая примитивная).

И в моей жизни и в науке мне открывался один и тот же сюжет: стремление к свободе. В науке я прослеживал стремление к свободе, расширение тем и форм литературы, культуры... В моей личной жизни самым главным для меня всегда оказывалась необходимость отстоять свою самостоятельность от «веяний времени», мод, господствующих идей, никогда не вступать в какие-либо союзы, группы, противостоять идеологическим схемам и т.д. Это приводило меня к некоторому одиночеству, — особенно тогда, когда друзья юности постепенно ушли в «мир иной», а многие отворачивались от меня (для меня навсегда) из боязни «власть предрежащих». К ним я уже не возвращался...

Наша нетерпимость, возможно, из забвения евангельского: «Не запрещайте, ибо кто не против вас, тот за вас!» (Евангелие от Луки, гл. 9, ст. 50).